

славянским миром — с венгерским королем Матвеем Корвиным, владевшим в то время такими бывшими землями Чешского королевства, как Словакия и Моравия. В 1482—1484 гг. в Венгрию и Молдавию ездил посол Ивана III Федор Васильевич Курицын, ведущий переговоры о союзе против Ягеллонов.

Культурные связи между Русским государством и западославянскими землями во второй половине XV в. представляют особый интерес благодаря одному обстоятельству: именно в этот период на Руси начинается идеологическое движение, во многих отношениях сходное с чешским гусизмом, — новгородско-московская ересь (так называемая «ересь жидовствующих»). Федор Курицын, находившийся в 1482—1484 гг. в Венгрии, где гусизм был широко распространен в славянских областях, и в Молдавии, куда (особенно после 1481 г.) бежало немало гуситов,¹⁹ был не только первым дипломатом Московской Руси, но и виднейшим еретиком, «начальником тем всем злодеям», как его именовали «обличители» ереси.²⁰ У нас нет, к сожалению, сведений о прямых связях между русскими еретиками и гуситами, но параллельность обоих движений, сходство их характера (отрицание церковного «предания», иконоборчество, даже хилиастические настроения)²¹ не вызывают сомнений. В этой связи особый интерес представляет утверждение новгородского архиепископа Геннадия, будто ересь в Москве стала развиваться с тех пор, «как Курицын из Угорские земли приехал», привезя с собой и иностранного участника еретического кружка, «угрянина Мартынку».²² О том, что члены русского посольства 1482—1484 гг. занимались в Венгрии и Молдавии не только переговорами о союзе против Казимира, свидетельствуют многочисленные подробности из жизни этих и соседних с ними стран, сохранившиеся в «Повести о Дракуле», написанной как раз в 80-х годах XV в. при вероятном участии того же Федора Курицына.

Как же отразились культурные связи с западославянскими странами на русской литературе XV в.? Мы уже отметили, что прямых заимствований из западославянских литератур среди памятников XV в. почти не известно. Тексты «Луцидариуса», «Тристана и Изольды» и других памятников, восходящих к чешскому оригиналу, получили распространение только в Западной, Литовской Руси (да и то в основном в XVI, а не в XV в.); в Русском государстве уже с конца XV—начала XVI в. тоже был известен «Луцидариус» (сборник с рядом сведений естественнонаучного содержания), но этот текст был переводом не с чешского, а с немецкого оригинала.²³ Польская и западнорусская (белорусская) лексика обильно отражена в русских «Посольских делах» XV в.; в XV в. на Руси были переведены и переписаны статуты польских королей Казимира Великого и Ягайло;²⁴ но памятники, проникавшие на Русь из Польско-

¹⁹ J. Mac ů r e k. Husitství a rumunské země. — В кн.: Co daly naše země Evropě a lidstvu. Praha, 1939, стр. 88—89; ср.: В. Н. Никитина. Распространение гуситских идей в Венгрии в 30-х годах XV в. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма, 1. М.—Л., 1957, стр. 333—349.

²⁰ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 381.

²¹ Ср.: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 177, 184—185 и 381—383.

²² Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 377 и 381.

²³ Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. 1. М., 1898, стр. 304—305; А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 42.

²⁴ ГИМ, Увар., № 702; S. Roman, A. Vetulani. Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. Wrocław—Kraków, 1959.